

С. Я. Боровой

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ПУШКИНА В НАЧАЛЕ 1830-х гг.

В настоящей статье не ставится задача охарактеризовать развитие социально-экономических воззрений Пушкина на всем протяжении его жизни. Задача статьи высказать соображения о некоторых пушкинских текстах начала 30-х гг., в которых затронуты социально-экономические вопросы; попытаться прокомментировать их и показать значение этих текстов для характеристики общественно-политического мировоззрения Пушкина тех лет.

Речь пойдет об отдельных замечаниях Пушкина в черновых заметках к его незавершенному произведению «Путешествие из Москвы в Петербург», о заметках, сделанных при чтении книг декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите»,¹ а также о заметках, известных под условным заглавием «О дворянстве». Между этими текстами, написанными почти в одно время, имеется непосредственная связь.

Конечно, «Путешествие» создавалось прежде всего как результат обобщения собственных мыслей, раздумий, как итог личных наблюдений. Нет необходимости говорить о значении бессмертной книги Радищева для содержания и композиции пушкинского «Путешествия».

Но Пушкин в этой работе основывался и на других литературных источниках. Из приведенных ниже сопоставлений видно, что в текст своих заметок Пушкин включил один почти непереработанный отрывок из книги В. Андрossoва «Статистическая записка о Москве», вышедшей в Москве в 1832 г.² Другой абзац из этой же книги Пушкин изложил своими словами.

¹ Впервые были опубликованы в статье П. Щеголева «Пушкин — экономист». «Известия ЦИК», 17 января 1930 г., стр. 4. Статья в дальнейшем не перепечатывалась.

² Книга В. Андрossoва сохранилась в личной библиотеке Пушкина — см. описание библиотеки Пушкина, составл. Б. Модзалевским — «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 3.

В. Андроссов. Статистическая записка о Москве. М., 1832.

...Москва перестает быть сборным местом провинциального дворянства, куда оно съезжалось некогда прожить зимы (стр. 46).

...упадок доходов <...> принудил многих дворян <...> распрощаться со столичною жизнью. Следствием этого было: <...> переход многих недвижимых собственности во владение среднего сословия, которое с этого времени ощутительно начало усиливаться (стр. 46—47).

Найдя в книге Андроссова подтверждение своих наблюдений, Пушкин в «Путешествии» развил мысль о том, что «упадок Москвы», под которым он понимал, собственно, только обеднение московского дворянства, есть лишь одно из проявлений более широкого явления, которое тогда очень занимало Пушкина, — обеднение русского дворянства.

Напомним, что писал об этом Пушкин в «Романе в письмах»: «Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся <...> Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по-миру» (т. 8 (I), стр. 53).

Говоря об обеднении русского дворянства, Пушкин повторял широко распространенное утверждение, отражавшее реальные социально-экономические процессы. Об обеднении дворянства говорили и декабристы.

Об этом писал М. Ф. Орлов в своем труде, известном под названием «Мысли о современном состоянии кредитных установлений в России» (на французском языке). Содержание этого труда нам известно по краткому конспекту, составленному в III отделении, куда после смерти Орлова попали его рукописи.¹ По формулировке жандармского конспекта, Орлов утверждал, что «нельзя не согласиться, что сословие русского дворянства, видимо, приближается ко своему оскудению».²

Дальше мы укажем, в каком направлении развивалась мысль Орлова, а сейчас вспомним, что писал Пушкин в заметках к «Путешествию».

«Упадок Москвы есть явление важное, достойное исследования: обеднение Москвы есть доказательство обеднения русского дворянства, происшедшее от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротой, частью от других причин, о коих поговорим в другом месте. Так что правнук богача делается бедняком потому только, что дед его имел четверо сыновей, а отец его столько же. Он уже не может жить в этом огромном доме, который не в состоянии он освещать, даже отапливать. Он продает его в казну или отдаст за бесценно старым заимодавцам и едет в свою деревушку, заложенную и перезаложенную, где живет в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых на досуге рожают ему жена и которые будут совершенно нищими.

Но улучшается ли от сего состояние крестьян? Крепостной мелкопоместного владельца терпит более притеснений и несет более повинностей, нежели крестьянин богатого барина» (т. 11, стр. 241).

¹ Этот конспект опубликован Л. Я. Вильде в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 17 (1955), стр. 234—237.

² Там же, стр. 235.

А. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург.

...некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изю всех провинций съезжалось в нее на зиму (т. 11, стр. 246).

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность <...> в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в паатах, покидаемых дворянством (стр. 247).

Пушкин не доводит здесь своих мыслей до конца, не подсказывает какого-либо выхода. Но, как мы видим из этих слов, Пушкин основной причиной оскуднения дворянства считал дробление имений между наследниками¹. Ход рассуждений говорит о том, что Пушкин склонялся к мысли о полезности введения майоратов как средстве предотвращения раздробления имений.

Правильность такого толкования пушкинского текста подтверждается сопоставлением этих заметок с набросками Пушкина, сделанными примерно в эти же годы, известными под названием «О дворянстве». Так, Пушкин писал: «*Pierre I — les rangs chute de la noblesse — Son Ukaz de 1714 <...>* Уничтожение дворянства чинами. Майоратства — уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.» (т. 12, стр. 205—206). Как ни фрагментарны эти записи, они свидетельствуют о том, что Пушкин относился сочувственно к указу Петра I от 23 марта 1713 г. о введении единонаследия (майоратов), которым устанавливались ограничения в праве распоряжения недвижимыми имениями, предусматривалась передача их по наследству только одному из сыновей (при отсутствии их — одной из дочерей). Отмена указа об единонаследии в 1730 г. была одним из тех мероприятий, которые были проведены Анной Ивановной при вступлении на престол по настоянию основной массы дворянства; оно выступало против домогательства «верховников», навязавших Анне Ивановне «кондиции», предусматривавшие ограничение прав монарха и установление аристократической олигархии. Отмену петровского указа 1713 г., связанную с нарушением Анной Ивановной «кондиции», Пушкин квалифицировал как «плутовство»,² и это еще один штрих, который говорит о сочувственном отношении Пушкина к системе майоратов.

О том, что Пушкин основным условием существования наследственной аристократии считал «неделимость имений», достаточно ясно свидетельствует и другая его заметка, сделанная в начале 1830 г. в третьем наброске к повести, известной под названием «Гости съезжались на дачу». «Испанец» в разговоре с героем этой повести говорит: «Вы упомянули о вашей аристократии; что такое русская аристократия? Занимаясь Вашими законами, — я вижу, что наследственной аристократии, основанной на неделимости имений, у Вас не существует» (т. 8 (I), стр. 42).

Не было ничего случайного или неожиданного в том, что Пушкин затронул тогда в своих заметках вопрос о майоратах.

¹ Ср. запись в дневнике Пушкина о его разговоре с вел. кн. Михаилом Павловичем (22 декабря 1834 г.): «что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями...» (т. 12, стр. 335).

² Следует напомнить, что раньше Пушкин давал совершенно иную оценку историческим последствиям нарушения Анной Ивановной «кондиций». В «Заметках по русской истории XVIII в.» (1822) Пушкин с удовлетворением указывал, что в России «хитрость государей» восторжествовала «над честолюбием вельмож» и это спасло Россию от «чуждо-вищного феодализма». Больше того, Пушкин считал, что провал «гордых замыслов Долгоруких» облегчит правительству «освобождение людей крепостного состояния» (т. 11, стр. 14—15).

Институт западноевропейского феодального права (особенно известный в своем английском варианте), преследовавший цель сохранения земельных богатств у аристократии — майорат — был чужд русской правовой традиции. Указ 1713 г., как отмечалось, действовал очень недолго, да и тот фактически почти не соблюдался. В конце XVIII в. — в первой половине XIX в. только в единичных случаях, по особому разрешению верховной власти, утверждались заповедные поместья. В годы жизни Пушкина было только два таких случая: в роде гр. Чернышевых (1817 г.) и в роде хорошо известных Пушкину — гр. Воронцовых (1834 г.).

В конце 20-х — начале 30-х гг. вопрос о введении в России майоратов приобрел особую актуальность.

В марте 1830 г. в Государственный совет было внесено несколько проектов, которые ни в чем не нарушая основы феодально-самодержавного строя, могли создать иллюзии о начале каких-то реформ, которые должны были укрепить законность и гражданские свободы. Предлагался новый порядок гражданской службы, проектировалось законодательное запрещение продажи крестьян без земли и на своз и т. д. Одновременно предлагалось ограничить раздробление недвижимых населенных имений. Начавшаяся во Франции в июле 1830 г. революция заставила правительство отказаться от всех этих планов как слишком «опасных». Не был принят и закон о заповедных имениях, если не говорить о законе о майоратах в так называемом Царстве Польском (1835 г.). Только в 1845 г. было утверждено Общее положение о заповедных имениях, но оно предусматривало очень сложную процедуру и на практике чрезвычайно редко применялось.

Известно, с каким вниманием и преувеличенными надеждами отнесся Пушкин к правительственным планам 1830 г. В письме к П. А. Вяземскому от 16 марта 1830 г. он писал, что думает «пуститься в политическую прозу», ибо государь, уезжая в Москву проект реформ, которые Пушкин характеризовал как «контрреволюция революции Петра» — «ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы» (т. 14, стр. 69).

Слухи о проектах введения майоратов вызвали большие волнения и разнообразные толки в дворянской среде.

10 января 1832 г. Орлов, только что вернувшийся в Москву из деревни, куда он был сослан после полугодового пребывания в тюрьме как участник декабристских организаций, писал П. А. Вяземскому: «Едва приехал сюда, как услышал со всех сторон: 1-е) о понижении процентов; < . . . > и, наконец, 5-е) об учреждении майоратов».¹

Далее в этом же письме Орлов излагает свои соображения о майорате, из которых видно, что он в целом сочувственно относится к этому плану. Он лишь предлагал установить некоторую постепенность при введении этой новой и необычной для России системы наследования дворянской собственности.²

Подробнее Орлов развил свои соображения в пользу введения майоратов в своих «Размышлениях». В конспекте, составленном жандармами, содержание этого раздела книги сформулировано так: «Создать дворянство в настоящем его значении, то есть образовать сословие, обладающее постоянной собственностью или майоратами».³

¹ Записки отдела рукописей, стр. 215.

² Там же, стр. 216. Ср. также комментарии к этому письму, стр. 238—341.

³ Там же, стр. 235.

В том же 1832 г. М. Погодин в лекции «Взгляд на русскую историю» коснулся вопроса о майорате. В отсутствие майората Погодин видел одну из особенностей исторического развития России.

«В Западной Европе произошло от феодализма майоратство. У нас при удельных князях, имевших совершенно равную власть, <...> не было майоратства даже в наследовании престола <...> и наследство дробилось в бесконечность».¹

В том, что Россия не знала знати, независимой от верховной власти, Погодин усматривал только положительную сторону. «Наше дворянство не феодального происхождения <...> Оно почтеннее и благороднее всех дворянств европейских в настоящем значении этого слова; ибо приобрело свои отличия *службою* отечеству».²

Погодин употреблял тот же термин, что и Орлов, — дворянство в настоящем значении, — но вкладывал в него содержание, прямо противоположное тому, которое имели в виду Орлов и Пушкин. Занимая крайне консервативную политическую позицию, «плебей» Погодин сочетал свою «охранительную» идеологию с недоверием к знати, выступал против аристократического средостения между монархом и «народом».

С морально-юридических позиций против попыток установления в России института майората резко выступил тогда и Н. С. Мордвинов. В своих замечаниях, представленных Государственному совету в августе 1830 г., он указывал, что «российский народ донныне сохранил в непорочности закон божий, закон природы, закон древний свой гражданский, и слуху и чувствам его противен несправедный закон первородства».³

Насколько проблема майората привлекала тогда общественное внимание, видно и из того, что над этим вопросом задумывались и представители разночинско-демократического лагеря. В. Г. Белинский так же, как и Пушкин и Орлов, видел в отсутствии в России майоратов важнейшую причину обеднения дворянства. «Посмотри,— писал он в 1837 г.— как благодаря тому, что у нас нет майоратства, издыхает наше дворянство само собою, без всяких революций и внутренних потрясений».⁴

Но Белинский сделал из этого наблюдения совершенно иные выводы. Великий критик рассматривал русское дворянство как класс, не имеющий той базы, которую он имел в Западной Европе — в виде майоратов. Этому положению Белинский придавал большое значение. Оно служило для него аргументом для обоснования роли русского крестьянства как единственного класса, имеющего в сфере сельского хозяйства устойчивую основу.⁵

Итак, из этой справки видно, что по вопросу о майорате Пушкин оказался очень близок Орлову.⁶

Защита Пушкиным также, как и Орловым, такого феодального института, как майорат, может показаться непонятной только на первый взгляд. Объяснять это нужно не только общими рассуждениями об элементах дворянской классовой ограниченности, присущей Пушкину и Орлову, как и всему поколению дворянских революционеров. Надо вспомнить, что многие политические мыслители и социологи того времени видели в майорате средство создания материально, а значит и политически независимой ари-

¹ М. Погодин. Взгляд на русскую историю (1832). — «Историко-критические отрывки». М., 1846, стр. 7.

² Там же, стр. 9.

³ Архив гр. Мордвиновых, т. VIII, СПб., 1903, стр. 227.

⁴ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. XI, М., изд-во АН СССР, 1956, стр. 149.

⁵ В. С. Мартыновская. В. Г. Белинский о путях социально-экономического развития России. — «Вопросы экономики, планирования и статистики». М., 1957, стр. 309.

⁶ Мысль о том, что Пушкин сочувственно относился к проекту введения майоратов была высказана Ю. Г. Оксманом в его ценном комментарии к «Роману в письмах» (Полное собр. соч. в шести томах, т. IV, М. — Л., «Academia», 1936, стр. 767).

стократии, не раболепствующей перед абсолютистской властью, способной составить ей действенную оппозицию. Наличием майоратов объясняли английские «свободы», прославленную «независимость» английской знати.

В связи с этим следует напомнить, что введение майоратов, очевидно, предусматривалось уставом существовавшей в 1815—1817 г. преддекабристской организации «Ордена русских рыцарей», одним из организаторов которой был М. Ф. Орлов.¹

В те же годы планы введения майоратов предагаали и некоторыми другими представителями прогрессивно настроенных кругов крупнопоместного дворянства.

Так, в 1816 г. П. Д. Киселев в своей известной записке об освобождении крестьян предлагал «дозволить дворянству основать майораты». Условием установления майоратов он предполагал перевод крестьян в разряд вольных хлебопашцев. Вообще, по его мнению, основание майоратов положительно отразится на положении крестьян, так как приведет к уменьшению числа «мелкопоместных дворян, которые от скудности и невежества отягощают непомерным образом бедственное состояние рабов, им принадлежащих».²

Такая же точка зрения проводилась в представленной Александру I в 1817 г. записке чиновника статистического отделения Министерства полиции Д. П. Извольского. Он отстаивал мысль о необходимости изменить закон о праве наследования земельной собственности с целью прекратить ее дальнейшее дробление. Автор записки предполагал, что прекращение процесса дробления помещичьих земель благоприятно отразится и на положении крестьян, подвергавшихся наиболее жестокой эксплуатации в хозяйствах мелкопоместного дворянства. Хотя эта записка не привела к каким-либо решениям — она привлекла внимание высших властей.³

Неоспоримым подтверждением того, что Пушкин видел в наследственности дворянства (а значит и в майорате) важнейшее условие ограничения самовласти являются его собственные слова в тех же заметках о дворянстве: «высшая знать, если она не наследственная (на деле) является знатью пожизненной; средством окружить деспотизм преданными наемниками и подавить всякое сопротивление и всякую независимость. Наследственность высшей знати есть гарантия ее независимости — противоположное неизбежно явится средством тирании, или скорее трусливого и дряблого деспотизма» (т. 12, стр. 205. Оригинал на французском языке).

Вместе с тем, в цитированном выше отрывке из «Путешествия» есть и другой мотив. Говоря о тех последствиях, к которым приводит дробление поместий, Пушкин констатирует, что это отражается также самым отрицательным образом на положении крестьян.

В пушкинских заметках о дворянстве намечается и другая тема — вопрос об «очищении» дворянства, тесно связанный с проблемой майората. Упоминается петровский указ 1714 г. о рангах, который характеризуется как «уничтожение дворянства чинами», как упадок дворянства (*chute de la noblesse*).

¹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 135. Надо думать, что эта идея восходит к еще более раннему документу, к «Проекту представления» Александру I (1808), автором которого, по мнению Н. Дружинина, был тот же Орлов (см. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., изд-во АН СССР, 1946, стр. 257—259).

² А. П. Заблудский-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV, СПб., 1882, стр. 198.

³ А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., изд-во АН СССР, 1957, стр. 345—346.

Несмотря на конспективную форму, запись эта характеризует отношение Пушкина к затронутому вопросу. Превращение русского дворянства в своей основной массе в служилый элемент, в котором растворились потоки старой знати, Пушкин тогда рассматривал — что подтверждается многими его высказываниями — как важнейшую причину утраты дворянством политической самостоятельности и независимой общественно-сословной позиции.

Раздумья об общественно-политическом значении дворянства и его роли в исторических судьбах России не оставляли Пушкина на всем протяжении его сознательной жизни.¹

Проблема «очищения» дворянства в 1830-е гг. приобрела особую актуальность и была поставлена на повестку дня высшими государственными органами. Тогда же были проведены и некоторые мероприятия в этой области. Так, в 1831 г. были повышены нормы имущественного ценза, который давал право избирать дворянских представителей на сословные и административные должности. Чтобы предотвратить дальнейшее «засорение» дворянства буржуазными элементами, в 1832 г. были созданы особые сословия потомственных и личных «почетных граждан». Понятно, что эти вопросы привлекали к себе и общественное внимание.

Еще в 1816 г. Н. С. Мордвинов в представленном им проекте «Об уничтожении гражданских чинов» предусматривал прекращение включения в дворянское сословие за получение определенного гражданского чина или выслугу лет. Тогда — полагал Мордвинов — «достоинство дворянское, приобретаемое не чрез чины получаемые по выслуге положенных лет, но отличными дарованиями и познаниями, получают новый блеск и славу».²

Не лишним будет вспомнить, что даже П. И. Пестель в процессе работы над «Русской правдой» не оказался совершенно в стороне от этой проблематики. Он выдвигал план полного «пересмотра» состава дворянства и предлагал сохранить права «отличных граждан» только за людьми, оказавшими большие услуги отечеству.³ Говоря иначе, это тоже был своеобразный, но разработанный с позиций дворянской революционности план «очищения» дворянства.

Но пушкинские заметки напоминают о другом проекте. Снова приходится упомянуть о «Мыслях» М. Ф. Орлова. В них говорилось о создании дворянства «в настоящем его значении». Этой цели можно было, по Орлову, достигнуть не только путем установления майоратов. С барской пренебрежительностью объявив «недостойным» любой вид «приказной» деятельности, обвинив все чиновничество в целом в «безнравственности» (взяточничестве), Орлов предлагал закрыть вовсе доступ в ряды дворянства для «толпы приказных, которые из пера сделали род промышленности, а из безнравственности — средство к своему обогащению».⁴

Как легко заметить, логическим выводом из цитированных раньше слов Пушкина (в его «Заметках о дворянстве») об «унижении» дворянства

¹ Не перечисляя здесь общеизвестных фактов, напомним лишь, что сохранилась сделанная рукой Пушкина выписка из Г. Гейне, в которой утверждалось, что «освобождение Европы» придет из России, так как она является единственной страной, в которой совершенно не существует предрассудка аристократии (*préjugé de l'Aristocratie*). Ср. «Пушкин и его современники», вып. IX-X, стр. 247.

² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии, вып. 11, СПб., 1902, стр. 394.

³ См. М. В. Нечкина. Из работ над «Русской правдой» Пестеля. — «Очерки из истории движения декабристов», М., Госполитиздат, 1954, стр. 62 и сл. Она же. Движение декабристов, т. I, М., 1955, стр. 412—414.

⁴ Записки отдела рукописей, стр. 235.

чинами должно было явиться предложение, аналогичное тому, которое выдвигалась Орловым.

В основе планов исключения из рядов дворянства «приказных» лежали те же соображения, что и в планах установления майората, — очищение дворянства от наиболее сервиллистских, живущих милостями самодержавной власти элементов, утопическое стремление превратить дворянство в общественный слой, совершенно независимый от верховной власти. Именно эти соображения заставили Пушкина отнестись положительно к закону 1832 г. о введении звания «почетных граждан», поскольку он почти полностью закрывал доступ в дворянство буржуазной верхушке.¹

В уже цитированных черновых набросках к «Путешествию» Пушкин затронул еще один вопрос, тесно связанный с поставленной им проблемой оскудения дворянства, но имевший значительно большее общественное значение. Речь шла о связи, существовавшей между дворянской задолженностью и проблемой ликвидации крепостничества.

Пушкин писал: «Но, говорят некоторые, раздробление имений способствует к освобождению крестьян. Помещики, не получая достаточных доходов, принуждены заложить своих крестьян в Опекунский Совет и, разорив их, приходят в невозможность платить проценты. Имение тогда поступает в ведомство правительства, которое может их обратить в вольные хлебопашцы или в экономические крестьяне. Расчет ошибочный. Помещик, пришедший в крайность, спешает продать своих крестьян, на что всегда найдет охотников, а долг дворянства связывает руки правительству и не допускает его освободить крестьян — ибо в таком случае дворянство справедливо почтет свой долг государственным уничтожением залога» (т. 11, стр. 241—242).

В то время увеличивалось несоответствие между доходами, которые извлекали душевладельцы из принадлежавших им хозяйств, сохранявших в основе натуральный характер, и их растущими потребностями в денежных доходах, которые были необходимы для поддержания образа жизни, соответствующего дворянскому достоинству при все осложняющихся формах быта. В условиях крепостничества возможности повышения доходности поместий были ничтожны. Крайне низкий уровень агротехники и зависимости от стихийных, климатических и природных явлений обуславливали непостоянство доходов. Все это приводило к росту задолженности дворянства.

Рост задолженности дворянства — один из симптомов кризиса крепостнической системы, — в силу общественной позиции «первенствующего сословия» оказавшийся в центре внимания, все более тревожил дворянскую общественную мысль. Именно между 1825 и 1833 г., по нашим приближенным подсчетам, задолженность землевладельцев официальным кредитным учреждениям (под залог «душ») резко выросла. Если в 1825 г. за помещиками числилось ссуд в размере 90 млн. руб., то в 1833 г. — 205 млн. руб. В 1825 г. в залоге числилось 2,1 млн. «душ», что составляло 20,2% общего числа помещичьих крестьян, а в 1833 г. — 4,5 млн. «душ» (43,2% крестьян).²

В этих условиях любые планы ликвидации крепостного права оказывались тесно связанными с вопросом о дворянской задолженности.

¹ См. запись беседы с вел. кн. Михаилом Павловичем 22 декабря 1834 г. (т. 12, стр. 334—335).

² С. Я. Боровой. Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества. — «Вопросы истории», 1954, № 2, стр. 132.

Как правильно отмечал Пушкин, многие полагали, что задолженность помещиков облегчит ликвидацию крепостничества. В погашение своего долга помещики отдадут казне часть своих крестьян, на которых будут переложены долги кредитным учреждениям. Все выдвигавшиеся тогда планы «освобождения» крестьян путем их постепенного выкупа казной у помещиков предусматривали одновременное погашение соответствующей части дворянского долга.

Такого рода проект был представлен в 1818 г. Аракчеевым. В его записке предусматривалось использование существующих кредитных учреждений для постепенного, растянутого на десятилетия выкупа крепостных, причем этот выкуп должен был привести к сокращению дворянских долгов.¹ Примерно такой же план выдвигал в 1827 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин в своей записке «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия».²

Пушкину вряд ли могли быть известны подобные секретные записки. Но идея использования дворянской задолженности как фактора, облегчающего ликвидацию крепостного права, разделялась тогда многими.³

Однако ссылку Пушкина на «некоторых», которые считают, что «раздробление имений способствует освобождению крестьян», следует отнести в первую очередь к тому же М. Ф. Орлову.

Конспект книги Орлова не дает возможности точно определить его точку зрения по этому вопросу. По словам составителя конспекта, Орлов «не умалчивает о том, что треть дворянских имений состоит в залоге». Вместе с тем, по словам того же конспекта, он выдвигал требование «прекратить зависимость крестьян от земли (*détacher la population de la glèbe*)»⁴. Сам Орлов в письме к Вяземскому от 10 января 1832 г. утверждал, что он разработал план соединения «в одну целую систему, во-первых: обогащения казны и развития кредитной ее силы; во-вторых, учреждения майоратов или возрождения дворянства; в-третьих, улучшения крестьянского быта или постепенного освобождения народа».⁵

Итак, мы видим, что Орлов увязывал ликвидацию крепостного права с планами реорганизации кредитной системы, а значит и с проектами погашения дворянской задолженности.

Точка зрения Пушкина по этому вопросу была иной, и практика кредитных учреждений полностью подтвердила его правоту.

¹ Н. К. Шильдер. Имп. Александр I, т. IV, СПб., 1905, стр. 42

² ЦГИАА, ф. 560, оп. 31, д. 27, л. 8 и сл.

³ Напомним, что несколько позже такого рода планы выдвигались представителями самых различных направлений общественной мысли: например, крепостником А. Вонлярским (см. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в., т. II, СПб., 1888, стр. 170—174), бывшим декабристом Фонвиным (там же, стр. 366), группой тульских дворян (там же, стр. 238—240), либерально настроенным кн. Голицыным («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 67). Накануне реформы такого рода планы очень настойчиво пропагандировались Н. П. Огаревым.

⁴ Записки отдела рукописей, стр. 234—235.

⁵ Там же, стр. 217.

Дворянское государство подчинило кредитную систему страны выполнению основной задачи — защите крепостнического землевладения. Законодательные распоряжения в практике банков были пронизаны стремлением сохранить во что бы то ни стало в руках владельцев их поместья со всеми «душами». Только в редчайших случаях поместья неисправных должников продавались банком с торгов или попадали в управление банков. Правила 1828 г. предусматривали, что «просроченные» поместья должны сдаваться в аренду, по возможности, самим задолжавшим помещиком.¹ В 1830 г. Государственным советом были выработаны новые правила о продаже с торгов заложенных в Заемном банке имений. В основе этих правил лежала сформулированная еще в указе 1754 г. задача: «а именование бы в фамилиях сохранено быть могло». В 1831 г. эти правила были распространены на Сохранные казны Опекунских советов,² о которых как о главном органе кредитования дворянства вспоминал Пушкин в вышецитированном отрывке. Он был совершенно прав, когда указывал на полную ошибочность расчетов тех, кто предполагал, что правительство использует дворянскую задолженность для увеличения числа «вольных хлебопашцев».

Приведу несколько примеров. В 1825 г. крестьяне поместья «малолетних Скачковых», по случаю продажи его с торгов Заемным банком, ходатайствовали о покупке их казной и об обращении их в вольных хлебопашцев; они же обязывались покрыть долг казне. Однако, рассмотрев это ходатайство, власти доложили царю, что покупка в казну поместья «весьма неудобна», так как «удовлетворение домогательства их (крестьян) <...> может подать повод к таковому же исканию других».³ В 1831 г. сто тринадцать крестьян помещицы Никитиной просили у царя разрешение на получение ссуды из Заемного банка в 25 тыс. руб. для выкупа в свободные хлебопашцы. Канкрин признал подобные ссуды неудобными, так как это могло, по его мнению, дать повод предполагать, «будто бы правительство невыгодно думает о положении помещичьих крестьян, содействуя с своей стороны их выкупу».⁴

Утверждая, что «долг дворянства связывает руки правительства и не допускает его освободить крестьян», Пушкин проявил исключительную принципиальность. Для него было ясно, что правительство никогда не станет на путь экспроприации дворянских прав на земли и на «души», что при любом варианте «освобождения» крестьян — оно будет проведено при полной компенсации дворян.

В отличие от большинства современных ему авторов проектов ликвидации крепостного права, Пушкин обнаружил ясное понимание того факта, что задолженность помещиков осложняет и тормозит дело «освобождения» крепостных. Заметки Пушкина подводили и к выводу о том, что рост задолженности приведет к значительному увеличению размеров той компенсации (выкупа), который помещики получают от правительства (разумеется за счет крестьян). Действительно, громадная задолженность дворянства не в последней мере обусловила тяжесть выкупных платежей, определила особо грабительский характер крестьянской реформы, проведенной через четверть века после того как писались пушкинские заметки.

Невольно возникает вопрос, чем объяснить отмеченную выше «переключку» или скрытую полемику между пушкинскими заметками и некоторыми положениями в конспекте книги Орлова? Можно ли это объяснить близостью их идейно-политической позиции?

¹ ПСЗ 2, т. III, № 2342.

² ПСЗ 2, т. VI, № 4356.

³ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 220, л. 282 и сл.

⁴ Семевский. Ук. соч., стр. 231—232.

Конечно, сходство в *решении* затронутых вопросов должно быть объяснено именно этим. Но можно предполагать, что Пушкин был знаком с основными идеями, изложенными в недошедшей до нас книге Орлова — в результате ли бесед с автором или чтения его рукописи. Основой для такого вывода должны быть результаты проведенного выше сопоставления пушкинских и орловских текстов, но подтверждением этому может служить и то, что мы знаем об отношениях между Пушкиным и Орловым.

Нет надобности подробно излагать историю взаимоотношений Пушкина и Орлова, особенно сблизившихся во время их совместного пребывания в Кишиневе. Но следует напомнить, что Пушкин продолжал *общаться* и поддерживать дружеские отношения с Орловым и тогда, когда бывший глава кишиневской управы «Союза благоденствия» возвратился в 1831 г. в Москву, где находился до самой смерти под надзором властей и в своеобразной ссылке (Орлов был лишен права выезда из Москвы).

Один из немногих уцелевших деятелей декабристской организации, Орлов в те годы должен был привлечь к себе особый интерес и внимание Пушкина. Едва ли не в каждый свой приезд в Москву¹ он встречался с Орловым.²

Можно не сомневаться, что во время этих встреч затрагивались важнейшие проблемы общественно-политической жизни. Орлов делился с Пушкиным теми планами, мыслями, проектами, которые он выдвигал в своих трудах. Напомним, что Орлов в 1831—1832 гг. прилагал очень много усилий для того, чтобы сделать возможно более широко известными выводы и предложения, изложенные им в книгах «О государственном кредите» и в «Мыслях». Тогда же Орлов пытался добиться разрешения и на публикацию этих книг.³

Но Пушкин поддерживал связь с Орловым в те годы не только при личных встречах. Нет сомнения, что они вели переписку. До нас дошло одно письмо, в котором Орлов упрекал Пушкина за то, что тот уехал не попрощавшись со «своим лучшим другом» (т. 14, стр. 165).⁴

¹ После возвращения Орлова Пушкин был в Москве в декабре 1831 г., в сентябре — октябре 1832 г., в августе и сентябре — ноябре 1833 г., в августе — сентябре 1834 г., в мае 1836 г.

² В августе 1833 г., когда Пушкин провел в Москве только четыре дня, он счел нужным сообщить жене, что не увидит Орлова и других московских друзей, так как «мне надоело мои старые знакомые» (т. 15, стр. 75). 4 мая 1836 г., едва приехав в Москву, Пушкин писал жене, что «Челаева, Орлова, Раевского <...> еще не успел видеть» (т. 16, стр. 111), но уже на следующий день он был у Орлова (см. там же, стр. 112). Следует напомнить, что у Пушкина сложилось тогда несколько противоречивое отношение к Орлову. Это видно из его замечания в письме к жене от 11 мая 1836 г.: «Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям» (там же, стр. 114).

³ Подробнее об этом см. в моей статье: «Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите». «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», в. 17, стр. 167 и сл.

⁴ Это письмо (на французском языке) не датировано. Впервые оно было опубликовано В. Брюсовым (в издании «Письма Пушкина и к Пушкину, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1903, стр. 126). В «Переписке» Пушкина, изданной под редакцией В. Сантава (Соч., т. II, СПб., 1908, стр. 237—238) письмо было датировано

Особенно важно вспомнить, что Орлов послал Пушкину экземпляр своей книги «О государственном кредите» с авторским посвящением. В этот экземпляр были вклеены большие рукописные вставки-страницы вычеркнутого цензурой текста. Если Орлов захотел ознакомить Пушкина с необнародованными частями своей книги, то естественно предположить, что он ознакомил своего друга и с рукописью другого труда, рассматриваемого им как продолжение книги «О государственном кредите», тем более, что в этом труде затрагивались вопросы, имевшие большую злободневность, более непосредственно связанные с проблемами общественно-политической жизни.

Изложенное дает, как мы думаем, право утверждать, что Пушкин был знаком с рукописью «Мыслей» Орлова. Во всяком случае, Пушкину были известны отдельные положения этого труда в авторском изложении, что отразилось в его заметках «О дворянстве»,¹ а также в некоторых материалах, которые предназначались для «Путешествия».

* * *

Тематически и хронологически к рассмотренным выше пушкинским текстам близко примыкают заметки, сделанные поэтом при чтении книги Орлова «О государственном кредите».

Вышедшая анонимно в Москве в 1833 г., книга «О государственном кредите. Сочинение, писанное в начале 1832 г.» является выдающимся памятником финансово-экономической науки.²

Книга Орлова — это страстная апология кредита. Орлов верил в чудодейственное влияние кредита на хозяйственную жизнь. Оспаривая обще-

редакцией [Первая половина мая 1831 г.]. Эта же датировка принята в новом академическом издании. Из каких предположений исходил В. Саитов, давая такую датировку, совершенно ясно. Он считал, что Пушкин встречался с Орловым во время своего пребывания в Москве в первой половине 1831 г. (Пушкин уехал из Москвы 15 мая 1831 г.). Но эта датировка письма — явно ошибочная. Дело в том, что Орлов получил разрешение возвратиться в Москву из деревенской ссылки 12 мая 1831 г. (см. «Алфавит декабристов», Л., 1925, стр. 370; Н. Чулков. Москва и декабристы — в сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 318). Возвратился же Орлов в Москву только в июне 1831 г. (см. «Звенья», т. IX, М., 1951, стр. 216). Значит, это письмо Орлова должно быть приурочено к последним дням последующих пребываний Пушкина в Москве. Скорее всего это письмо может быть отнесено к октябрю 1832 г., так как в нем заключается просьба отвезти в Петербург два ящика «расписанных стекол», о том, что он *завел* в Москве «фабрику живописи на стекле», Орлов писал в письме к Вяземскому от 20 февраля 1832 г. (см. Записки отдела рукописей, стр. 218).

¹ Если согласиться со сделанным нами выводом, придется уточнить датировку заметки «О дворянстве». Академическое издание (т. 12, стр. 205) дает условную дату: <1830>. Следует, на наш взгляд, отнести эти заметки к 1832 г. Раньше Пушкин никак не мог ознакомиться с рукописью или соображениями Орлова, возвратившегося в Москву только в июне 1831 г. Его первая встреча с Пушкиным не могла быть раньше декабря 1831 г.

² О месте книги Орлова в мировой финансово-экономической науке см. М. Богослов. «Первая русская книга о государственном кредите» («Советские финансы», 1945, № 5, стр. 35—39).

распространенное представление о вредоносном действии роста государственной задолженности, Орлов доказывал на примере Англии, что сила ее экономического, политического и колониального могущества, рост богатства ее народа возрастали по мере роста ее государственного долга. Видя в государственном долге мощный рычаг подъема национального благосостояния, Орлов утверждал, что между государственным и частным кредитом нет ничего общего, поскольку кредиторы государства не рассчитывают на возвращение долга, а стремятся только к получению постоянного процентного дохода.

Значение книги М. Ф. Орлова в истории финансовой науки определяется тем, что эта книга положила начало «современной доктрине» государственного кредита, которую упомянул К. Маркс в 24-й главе первого тома «Капитала».

Характеризуя эту «доктрину», К. Маркс писал: «Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги. Вполне последовательна поэтому современная доктрина, что народ тем богаче, чем сильнее его задолженность. Государственный кредит становится символом веры капитализма. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу».¹

Особое же значение книги Орлова заключается в том, что этот труд должен быть признан выдающимся памятником передовой русской социологической мысли.

Разрабатывая специально кредитные вопросы, Орлов связывал их с самыми острыми проблемами общественного развития, он исходил из передового для того времени и плодотворного взгляда о тесной связи между хозяйственной жизнью и политическим строем.

Вместе с тем современный русский читатель книги Орлова не мог не почувствовать, что она является прямым и безоговорочным осуждением всей кредитной политики царизма того времени, прямым ударом по теоретическим высказываниям и — еще более — по делам министра финансов Е. Ф. Канкрин, основного руководителя экономической политики царизма на протяжении почти всей второй четверти XIX в. Современники Орлова не могли не почувствовать политической актуальности и оппозиционного звучания книги «О государственном кредите».

Более того, книгу Орлова, появившуюся через семь лет после разгрома восстания на Сенатской площади, но написанную в основном, как мы думаем, до 1825 г., следует, при некоторых оговорках, отнести к памятникам декабристской идеологии.

Публикуя свою книгу в годы торжествующей последекабрьской реакции, приспособляя ее к цензурным условиям, Орлов пытался донести до современного ему читателя плоды своих додекабрьских раздумий, какие-то фрагменты подготавливаемой им кредитно-экономической программы того прави-

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, М., 1955, стр. 757—758.

тельства, которое пришло бы к власти, если бы осуществились планы его сотоварищей по тайным обществам.¹

Как уже отмечалось выше, Орлов послал Пушкину экземпляр своей книги, в которую были вплетены рукописные вставки, включавшие вычеркнутые цензурой разделы.² Но в библиотеке Пушкина сохранился и другой, не подписной экземпляр этой книги.³ Очевидно, Пушкин приобрел его до получения авторского подарка.

Пушкина настолько заинтересовало произведение Орлова, что он начал делать по этой книге критические замечания. В своих заметках Пушкин совершенно не затронул рукописные вставки Орлова, поэтому можно предположить, что заметки были составлены сейчас же после приобретения Пушкиным книги, но до того, как он получил дарственный экземпляр. Вот почему заметки надо отнести к самому началу 1834 г.⁴

Сопоставим заметки Пушкина с теми местами в книге Орлова, к которым они должны быть отнесены:

Пушкин

Конечно никто не изобретал кредита (доверенности). Он проистекает сам собою как условие, как следствие. Он родился при первом меновом обороте. Возвращение капитала не есть конечно господствующая мысль при частном кредите, но умножения оно посредством процентов.— У людей частных капиталы разделены на мелкие части. Сам по себе налог слеп и падает без разбора на все состояния.— Нет, налог может отозваться во всех состояниях, но обыкновенно падает на одно (отселе ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие и нечувствительного множеству других сословий).

Орлов

Кредит вообще есть не что иное, как изобретенный способ для удобнейшего обмена ценностей (стр. 1—2). Как многие другие изобретения, особливо практические, он родился от необходимости и случая (стр. 9).

... в частном кредите, при совершении условий, господствующая мысль есть возвращение капитала (стр. 4).

... частный кредит основан на уверенности в скором и полном возвращении капитала (стр. 5—6).

Сам по себе налог слеп; он не рассматривает, полезно ли или вредно перемещение капиталов, и падает без разбора на все достояния (стр. 10).

¹ Эта точка зрения на книгу М. Орлова обоснована нами подробно в статьях: «Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите», Известия АН СССР, серия истории и философии 1951, т. VIII, № 1, стр. 48—60; «Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите». «Записки отдела рукописей ЛБ» М., в. 17 (1955), стр. 159-191.

² Эти разделы книги Орлова впервые были опубликованы в «Записках отдела рукописей ЛБ», в. 17, стр. 192—213.

³ См. описание библиотеки Пушкина, составленное Б. Модзалевским. «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 72.

⁴ К сожалению, посвяtitельная авторская надпись на книге Орлова не датирована. Книга Орлова (цензурное разрешение — 23 августа 1833 г.) вышла в Москве только в декабре месяце (см. «Записки отдела рукописей», стр. 232). Но уже 9 января 1834 г. Орлов отправил в Петербург 16 экземпляров книги (не было ли среди них пушкинского экземпляра?) для раздачи по разным адресам (см. там же, стр. 233). Вот почему заметки Пушкина следует отнести к самому началу 1834 г. Эту же дату дает комментарий к 12 тому академического издания (т. 12, стр. 464), но в тексте сочинений заметки датируются: <1833—1834> (т. 12, стр. 207). В 1833 г. эти заметки, как мы видим, никак не могли быть сделаны.

Как мы видим, три дошедшие до нас заметки Пушкина относятся только к первым десяти страницам книги Орлова, в которой было 303 стр. Можно, конечно, предположить, что другие пушкинские заметки по этой книге до нас не дошли. Но надо сказать, что для Пушкина могла представить интерес лишь первая общетеоретическая глава (1—78) и большая, размером примерно в один печатный лист, рукописная вставка, следовавшая за ней. Дальше в книге Орлова шли две обширные специальные главы, посвященные истории государственного кредита во Франции и в Англии, которые вряд ли могли бы заинтересовать Пушкина.

Но и те краткие заметки по книге Орлова, которые были процитированы выше, ясно показывают, что Пушкин сумел уловить самую сущность доктрины Орлова и обнаружить ее самые уязвимые части.

Начнем с первого замечания Пушкина. Выше уже отмечалось, что Орлов считал кредит чудодейственным и самостоятельным фактором общественного развития, способным разрешить важнейшие задачи социально-экономического характера. (К этой же точке зрения, но не делая из нее таких политически далеко идущих выводов, склонялся и Н. С. Мордвинов). Для Орлова государственный кредит — это изобретение новейшей эпохи, рожденное победой буржуазных революций. «От того, — писал Орлов, — что кредит утвердился в Голландии, Англии и Франции после ужаснейших переворотов, не следует еще, что он без переворотов существовать не может. От того, что он был изобретен там, где вольность прений дает более игры воображению и более смелости слову, не следует еще, что, после его изобретения, другие правительства не могли воспользоваться вполне его благодетельными последствиями».¹

Пушкин, как показывает его заметка, с самого начала ознакомления с книгой, обнаруживает скептическое отношение к доктрине Орлова. Он не принимает его положения об «изобретении» кредита. Скорее всего он вообще не верил в возможность изобретения в хозяйственной жизни. Для Пушкина — экономическая жизнь — органический процесс. Не соглашаясь с тем, что кредит «изобретен», Пушкин выступает более реалистично, обнаруживая менее парадоксальную, но научно более правильную точку зрения, что кредит в той или иной форме родился вместе с товарным обращением, т. е. с тем, что Пушкин называет «меновым оборотом».

Вторым своим замечанием Пушкин наносил удар по основному положению Орлова, сразу обнаружив одно из наиболее уязвимых мест в его рассуждении. Ведь в основе утверждения Орлова о возможности, без какого-либо опасения государственного банкротства, громадного расширения объема государственного кредита лежало противопоставление государственного кредита — частному. По Орлову, основа первого — стремление к получению непрерывного дохода, а не возвращение ссуженной суммы. Для частного кредита основа — возвращение ссуды.

Утверждая, что «частный кредит основан на уверенности в скором и полном возвращении капиталов», Орлов, собственно, повторял слова А. Сми-

¹ См. [М. Орлов]. О государственном кредите, стр. 75.

та, который писал: «На свои запасы, ссужаемые под проценты, заимодавец смотрит как на капитал. Он ожидает, что в установленный срок они будут возвращены ему и что зайщик в течение всего этого времени будет уплачивать ему некоторую ежегодную ренту».¹

Пушкин, как мы видим, в противовес Орлову и отчасти А. Смигу, указывал, что и при частном кредите дело не только в уверенности заимодавца в том, что ему будет возвращен ссуженный капитал, а главное — в стремлении получить процентный доход и тем самым умножить свой капитал. Значит, нет никакого принципиального (с точки зрения заимодавца) отличия между государственным и частным кредитом.

Подвергая критике это положение, Пушкин подрывает одну из основ, на которых держалось все построение Орлова.

Какое глубокое понимание существа проблемы обнаружил Пушкин, рассматривая книгу Орлова, и насколько он, так сказать, «квалифицированно» сумел сформулировать свои возражения, видно из сопоставления пушкинских замечаний с «суждениями» известнейшего тогда ученого-экономиста академика А. К. Шторха. Последнему было поручено Академией наук представить свой отзыв о рукописи книги Орлова. В этом отзыве, который, конечно, не мог быть известен Пушкину («Суждение» Шторха не было опубликовано), критика была сосредоточена на тех же пунктах и возражения сформулированы в почти идентичных выражениях.

Так, Шторх писал: «кредит вовсе не есть изобретение, а только доверие». Или «если капиталист отдает свои деньги займы частным людям, то главная его мысль не есть получить обратно свои деньги, ибо иначе не нужно бы было ссудить их, а он надеется получить чрез то доход».²

Конечно, между Пушкиным и Шторхом, умереннейшим либералом и виднейшим представителем вульгарной политической экономии, не могло быть ничего общего в их общественно-политических позициях. Совпадение их взглядов по этому вопросу только свидетельствовало о том, что Пушкин исходил в данном случае из общепринятых в науке положений, из того, что, на его взгляд, отвечало опыту и здравому смыслу.

Третье замечание Пушкина подводит нас к другому кругу вопросов — к вопросу о роли налогов, их влиянии на положение различных общественных классов.

О налогах Орлов придерживался более обычных взглядов. Вслед за декабристом Н. Тургеневым Орлов подчеркивал необходимость в интересах народного благосостояния придерживаться наибольшей умеренности в установлении размеров налогового обложения.

Все же мысли Орлова о налогах вызвали у Пушкина ряд интересных соображений.

¹ А. Смигу. Исследование о природе и причинах богатства народов, кн. II, М., 1931, стр. 359.

² «Суждение» Шторха «О рукописном сочинении г-на генерал-майора М. Орлова под заглавием «О государственном кредите», хранится в Архиве Академии наук (Ленинград) под шифром: ф. 1. оп. 2—1832, § 462, лл. 17—29.

В этом замечании Пушкин сначала дословно переписывает заявление Орлова о том, что налог «слеп» и «падает без разбора на все достояния».¹ Для теоретических построений Орлова особенно характерным было противопоставление «слепых» принудительных налогов государственным займам, на которые сознательно и свободно подписываются. Развивая эту мысль, Орлов в абзаце, вычеркнутом цензурой, писал: «Сам по себе налог слеп; он падает без разбора на все достояния, исторгает часто последнюю опору у земледелия, останавливает последний оборот торговли и не щадит даже последней надежды бедности. Он не рассматривает, полезно ли или вредно перемещение капиталов, нередко заставляет правительство прибегнуть к понудительным мерам и склоняет подданных к ропоту и неповиновению <...> Из сего должно заключить, что свойство налога есть необходимость, а свойство займа свобода».²

Пушкин, как видно из его замечания, не был согласен с утверждением Орлова, что налоги падают на все «состояния». Не отрицая, что теоретически возможно такое положение дел, Пушкин утверждал, и был в этом совершенно прав, что фактически тяжесть налогового обложения обычно падает только на одно «состояние». Как отмечал Ф. Энгельс, «в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все».³

Но Пушкин подходит к этому вопросу с другой позиции. Он ставит вопрос о налоге с земли, т. е. формально с землевладельца, фактически же, в условиях крепостного строя — с крепостных. Пушкин вспоминает по этому поводу учение физиократов, выдвинувших теорию, согласно которой вся тяжесть налогового обложения должна падать исключительно на земельные собственники (Кенэ). Теоретически Кенэ обосновывал это тем, что «чистый продукт», который создается только в земледелии, попадает полностью к земельным собственникам (под «чистым продуктом» физиократы понимали излишек стоимости продукции над издержками ее производства). В своем проекте единого налога, который должен был падать только на земельную собственность, Кенэ хотел этим налоговым методом конфисковать значительную часть доходов от земельной собственности. Но окончательное уничтожение земельной собственности, даже в феодальной оболочке, не входило в программу Кенэ.

О социально-классовых выводах, которые могли бы быть сделаны из теории «единого налога», Маркс писал: «Прославление земельной собственности превращается на практике в требование перенесения налогов исключительно на земельную ренту, а это таит в себе возможность конфискации земельной собственности государством, — совсем как у радикальной части

¹ «Достояние» — по терминологии Орлова — сословие или общественный класс; Пушкин в этом же смысле употреблял термин — «состояние».

² Записки отдела рукописей, стр. 194—196. В пропущенном цензурой и опубликованном тексте книги Орлова (ук. соч., стр. 10—11) этот абзац сильно урезан, а слово «свобода» заменено словом «производ».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 255.

рикардианцев. Французская революция, вопреки возражениям Редерера и других, приняла эту налоговую теорию».¹

В крепостнической России пушкинской поры, как уже отмечалось, налог с земли представлял собою в основе подушную подать крепостных крестьян, и он мог рассматриваться как налог с землевладельцев только потому, что помещик нес полную ответственность перед правительством за своевременную и полную оплату его. Совершенно естественно, что необходимость уплаты этого налога ограничивала реальные доходы, которые землевладельцы и душевладельцы выколачивали из своих крепостных. Только поэтому помещичий класс был заинтересован в уменьшении размеров этого налога.

Признав идею «единого налога» ошибочной, Пушкин в этом вопросе солидаризировался с Н. Тургеневым, который в своей книге «Опыт теории налогов» доказывал «невозможность единственного налога».²

К сожалению, фрагментарность пушкинской заметки не дает возможности в полной мере выяснить точку зрения Пушкина по этому вопросу.

Следует отметить, что в книге Орлова нет даже упоминания о физиократической теории единого налога. Значит в данном случае рассуждения Орлова о налогах вызвали у Пушкина ряд ассоциаций и соображений, которые обнаруживают, что книга Орлова попала в руки не только умного и проницательного, но и осведомленного в вопросах экономической теории читателя.

С какой целью делал Пушкин те заметки, о которых речь шла на предшествующих страницах?

Если заметки о книге Орлова могут предположительно рассматриваться как конспект будущего письма к автору книги или «тезисы» предполагаемой беседы с ним, то, конечно, иной повод должен был вызвать к жизни заметки «О дворянстве» и черновые наброски к «Путешествию».

Представляется, что сам Пушкин дал ответ на вопрос о назначении этих заметок в своем цитированном выше письме от 16 марта 1830 г. к П. А. Вяземскому. В этом письме Пушкин говорил о своем намерении «пуститься в политическую прозу» и прямо назвал один из тех вопросов («ограждение дворянства»), которые рассматривал в своих заметках.

Хорошо известно, что Пушкин не раз безуспешно пытался давать «уроки царю». У него возникали иллюзорные надежды, что проектами, представленными «Записками» или даже беседами при дворе, удастся «произвести хоть каплю добра». Нет надобности указывать, насколько ложны и беспочвенны были эти расчеты. И не эти «записки» определяют общественно-политическую позицию Пушкина, гениального представителя декабристского поколения, воодушевившего своими произведениями дворянских революционеров на их подвиг. В попытках воздействовать на правительство, в стремлении побудить его на осуществление отдельных прогрессивных мероприятий Пушкин прибегал к тем же тактическим приемам, которые счи-

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. 1. М., 1955, стр. 33.

² Н. Тургенев. Опыт теории налогов. СПб., 1818, стр. 71—78.

тали допустимыми не только представители дворянской оппозиции, но и дворянские революционеры. Известно, что многие декабристы полагали, что, наряду с нелегальными формами политической борьбы, вполне допустимы легальные формы пропаганды, вплоть до попыток воздействия на царя.

Трудно сказать, во что вылилось бы «Путешествие» и какую литературно-политическую задачу пытался Пушкин разрешить в этом произведении. Но мы все же полагаем, что рассмотренные выше заметки из черновиков «Путешествия» могут быть поняты только как «заготовки» к какой-то не-реализованной записке, как наброски к неосуществленному замыслу представить правительству мысли по актуальному тогда вопросу, крайне занимавшему Пушкина.

*Всесоюзный
Музей
А.С. Пушкина*

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ЛЕНИНГРАД • 1962

ПУШКИН И ЕГО ВРЕМЯ

Выпуск первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА